

355655

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА С НЕМЕЦКИМ ФАШИЗМОМ

Б. НЕВОДОВ

В ГОСТЯХ У ФРОНТОВИКОВ

ОГИЗ 1942
САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К 24-й годовщине Красной Армии трудящиеся Саратова и Саратовской области собрали и отправили в действующую армию девять вагонов с подарками.

Делегаты, сопровождавшие эшелон с подарками на фронт, побывали в Ельце и Ливнах, освобожденных от немцев, беседовали с командирами, политработниками и бойцами нашей доблестной Красной Армии, осматривали захваченные ими трофеи, разговаривали с пленными солдатами гитлеровской грабь-армии.

Несколько дней, проведенных на фронте, оставили незабываемое впечатление у всех членов делегации. В сборнике очерков «В гостях у фронтовиков» участник делегации писатель Борис Неводов рассказывает о виденном и слышанном на фронте.

ЛЮДИ НАШЕЙ АРМИИ

На машинах едем по улицам Ельца к пограничникам. Город мало пострадал: два-три каменных разрушенных здания, да взорванный мост через реку Сосну, да кое-где стены домов зияют дырами, как частое решето, от пуль и осколков—вот и все внешние следы войны. На улицах оживление: торгуют магазины, мальчишки носятся на коньках, колхозники на розвальнях везут прессованные тюки листьев махорки на фабрику, около кинотеатра толпится народ.

Под'езжаем к небольшому деревянному одноэтажному домику. Рядом с парадным крыльцом старая вывеска: «Елецкий детский сад № 3». Сейчас здесь помещается столовая начальствующего состава. Нас встречает немолодой, уже сидящий полковник—помощник командующего пограничными войсками фронта. Он водит нас по комнатам домика, в одной из них предлагает «принюхаться».

— Как будто... навозом пахнет, — нерешительно произнес кто-то из наших делегатов.

Да, пахло навозом. Этот запах сохранился еще со времени кратковременного пребывания немцев. Они завели в комнаты лошадей, превратив детский сад в конюшню, а широкую, про-

355655

сторную террасу, идущую вокруг дома... В уборную.

— Пришлось много поработать, чтобы привести комнаты в порядок,—рассказывал полковник,—вычистили, вымыли, побелили, окна вставили, а вот запах... Мы привыкли, а свежему человеку трудно.

Этот маленький эпизод—первое, с чего началось наше знакомство с фронтовой жизнью.

День прошел в осмотре города, в настоячивых расспросах командиров пограничных войск фронта. А вечером нас вдвоем с заслуженным артистом республики Степаном Михайловичем Муратовым пригласил к себе на квартиру бригадный комиссар тов. Кириллов. Это—плотный, коренастый 40-летний мужчина, с красивым умным лицом, неторопливыми движениями и спокойной, плавной речью. Чистенькая, небольшая комната обставлена по-походному: стол, две узкие железные койки (комиссар живет со своим адъютантом—политруком Кондрашиным), над койками — трофейный немецкий автомат. Тов. Кириллов до позднего рассказывал о пройденном боевом пути, о храбрости и стойкости наших бойцов, предпочитавших смерть пленению, о скромности, о дружбе, хорошей человеческой дружбе, которая, наряду с железной воинской дисциплиной, крепит, цементирует Красную Армию.

— Это было в прошлом году, в начале осени,—рассказывал тов. Кириллов,—шли упорные,

тяжелые бои за Смоленск. Под Ярцевом мы дрались семь суток. Немцам удалось вклинуться в линию обороны, оторвать нас от основных сил. Мы оказались во вражеском тылу, отрезанные, изолированные. Но ни у кого—от старших командиров до рядового бойца—не возникало и мысли итти на капитуляцию. Нам, пограничникам, сдаваться!—Ни за что! Лучше смерть! И вот на рассвете седьмого дня наша часть выстроилась в лесу. Через полчаса итти в бой—решительный, последний бой. Я выступил перед строем бойцов, сказал им несколько ободряющих слов. После меня выступил рядовой боец. Не помню его фамилии. Запомнилось только его простое русское лицо, коротко остриженные русые волосы, безусый, невысокого роста—наш простой деревенский парень. Стояли предрасветные сумерки, было свежо, нас окружали нахмурившиеся коричневые высокие сосны, где-то в стороне, за лесом били орудия. И застывший строй бойцов и впереди них—этот рядовой советский воин—все это было непередаваемо торжественно и величественно. Звонким молодым голосом, слегка волнуясь, боец говорил о том, в каком положении находится часть, вокруг немцы, мы—в кольце, но не тревога, не растерянность звучали в его голосе; страстным призывом к борьбе, к жестокой, решительной схватке с врагом закончил он свое короткое выступление.

— Дадим, товарищи, клятву не отступать, не

сдаваться. Плен—позор! Пойдем вперед, только вперед, напролом. Трусов среди нас быть не может.

Я видел по лицам красноармейцев, что они разделяют его мысли и чувства, они полны такой же решимости и отваги... Через полчаса начался бой. Как они дрались! Что это за народ! Пулеметчик Железко был тяжело ранен. Он истекал кровью. Но пока не угасло сознание, пока руки держали пулемет, глаза видели прорезь прицела — он был пронизан одной мыслью, одним стремлением — биться до конца, до последнего вздоха. Его неподалеку от пулемета перевязали, он тут же попытался подняться—и не мог. Тогда обратился к командиру:

— Подтащите меня к пулемету, я еще могу бить фашистов.

Его на руках подтащили, положили на землю, и снова застрочил пулемет, сея смерть во вражеских рядах.

Я видел тяжело раненого бойца, у него было раздроблено бедро, он лежал и тихо стонал, а в руке держал гранату, он заложил запал и был готов драться.

К вечеру пошли в штыковую атаку, прорвались в тыл к немцам, ночью оторвались от них и вышли из окружения в полном составе — с обозами и ранеными. Немцы не ожидали такого стремительного удара от измученных, уставших, полуголодных людей и даже не преследовали.

Это только один эпизод. А сколько было их!

Сержант Дмитрий Аносов и красноармеец Яков Пинежкин получили приказ взорвать мост в тылу у врага. Смелые разведчики ночью ползком пробрались в тыл к немцам, нашли мост, взорвали его. Задача была выполнена, но храбрецам показалось мало. Укрывшись в густом кустарнике, они терпеливо прождали до утра. Утром к мосту подошли фашистские танки, наехали на взорванный мост, остановились. Вскоре наша артиллерия открыла ураганный меткий огонь и один за другим подбила четыре танка, остальные поспешили отойти. Тогда разведчики вышли из своего укрытия, сняли с танков вооружение, которое могли поднять, остальное испортили и благополучно вернулись в часть.

— Вот, не зря ходили,—сказали они, показывая принесенные трофеи.

Наши бойцы смелы и отважны и в то же время им присуща скромность — отличительная черта большевиков. Вот о каком интересном случае мы слышали в тот же вечер от тов. Кириллова.

Ефрейтор-пограничник Иван Мергалев совершил героический подвиг еще 24 июня прошлого года, но в части, где он служил, об этом узнали лишь... в феврале этого года, после того, как в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо спасенных им раненых красноармейцев.

Дело было так: на третий день войны в районе местечка Слоним повозочный Иван Мер-

галева на дороге наткнулся на четырех раненых бойцов. У него сломалась повозка, раненые помогли ее отремонтировать. В это время под'ехал мотоциклист, сообщил: приближаются немцы.

«Как быть? — рассказывал впоследствии на страницах газеты сам тов. Мергалева. — Если не помочь раненым спокойно отойти — их ожидает верная гибель. А бросить их на произвол судьбы я не мог. Поэтому я отдал приказ раненым — сесть на мою повозку и уезжать, а сам снял с повозки ручной пулемет и приступил к выполнению боевой задачи. Вышел к магистральному шоссе, замаскировал в кустах пулемет, приготовил к бою гранаты. Знаю, что живым вряд ли выйду из боя, поэтому тут же написал записку, которую потом подобрали и сохранили наши бойцы, записку, в которой прощался с родиной и с товарищем Сталиным. Прошло некоторое время. Слышу шаги. Выходит на шоссе отряд немцев, все с автоматами...»

И вот один советский воин вступил в бой с целым отрядом вражеских автоматчиков... В короткой схватке он уложил на месте одиннадцать разбойников, остальные разбежались; сам вышел невредимым, дал возможность уехать и раненым бойцам.

Когда товарищи в части показали ему газету, в которой описывался этот случай, он сказал просто:

— Да, это было.

Перед такими душевно красивыми людьми

хочется шапку снять и низко в пояс, по-старинному, поклониться.

Мы долго еще беседовали с тов. Кирилловым. Он рассказывал о боевых походах, о той великой спаянности, какая существует между бойцами и командирами. Потом заговорили о литературе, искусстве, живописи, о последних театральных новинках, о патриотических пьесах. Во всех этих вопросах комиссар выказал себя большим знатоком.

— Художественное слово, — одно из самых сильно действующих орудий в нашем арсенале агитационной работы. Беседуя с красноармейцами, я часто читаю им стихи. Вы бы посмотрели, как они слушают! Хорошее слово доходит до самого сердца, волнует и возвышает человека.

И обращаясь ко мне, тов. Кириллов добавил:

— Давайте побольше хороших книг, стихов, песен. Спасибо скажем.

Позже нам неоднократно пришлось убедиться в том, как люди нашей армии умеют ценить художественное слово.

Во время одной из встреч с командирами части подполковника Павлова, по просьбе присутствующих, наш делегат—артист Московского Художественного Академического театра Я. И. Лакшин прочитал отрывок из симоновского «Ледового побоища». В комнате стояла глубокая тишина. Лица слушателей были задумчивы и сосредоточены. Нас всех волновали в те

минуты одни думы и мысли... Издалека, из глубины седых веков, до нас как бы доносился ратный шум: звон мечей, конское ржанье, стоны раненых, треск ломающихся льдин и покрывающий все это могучий призывный голос Александра Невского. Тень предков как бы осенила нас, сидящих в ту минуту в маленькой комнате, всего в 25 километрах от линии фронта, призывая на новые ратные подвиги. Каждый из присутствовавших командиров чувствовал себя прямым потомком славных новгородских воинов, отразивших на холодном льду Чудского озера натиск тевтонских псов-рыцарей. И тогда и теперь русский народ выходил на битву с иноземными захватчиками, посягнувшими на его родную землю и свободу.

Когда артист с под'емом прочитал заключительные слова:

«Схороним их в земных потемках
И клятву вечную дадим—
Ливонским псам и их потомкам
Страны своей не отдадим»,—

будто электрическая искра пробежала по лицам присутствовавших. Все были взволнованы, потрясены. Сидевший напротив меня белокурый майор вскочил, подошел к артисту, обнял, крепко поцеловал:

— Спасибо,—сказал тихо. Больше ничем не мог он выразить волновавшие его чувства. Это была похвала и чтецу и поэту.

В одном из подразделений мы познакомились с бойцом Сергеем Шереметьевым. Это — совсем еще молодой парень из Харьковщины. Мы с ним долго беседовали, прогуливаясь по заснеженному пустырю около дома, в котором помещался его взвод. О чем только не переговорили! О страстности и силе пушкинского стиха, о клокочущей ярости шевченковского творчества, о мрачности Достоевского и современности Белинского, о Корнейчуке и Павле Тычине. Шереметьев — поэт. Сейчас в дни войны, урывая минуты, свободные от несения боевой службы, он пишет поэму.

— Стою в карауле, или ночью хожу патрулем по городу, и вот возникнет несколько строк. Сердце жгут. Я до смены твержу их, чтобы не забыть. Приду, запишу, а там — новые и новые возникают образы. Товарищи спят, а я около свечки сижу и пишу, пишу... Когда закончу поэму?.. Когда война кончится, она и будет готова.

Он читал мне отрывок из этой поэмы. Она написана на украинском языке, певуча, как бандура, ритмична, плавна. В ней воспевается широкий многоводный Днепр, родные тихие зеленые поля и леса, описывалось, как в этот чудесный тихий край ворвалась война и как вместе со своим народом пошел на войну деревенский парень Тарас.

Запомнилась еще одна встреча и беседа. Мы были в гостях у бойцов. В небольшой комнате

общезития, усевшись в кружок на скамьях, вели дружескую беседу.

Нас расспрашивали про Саратов, как работают заводы, как идут дела в деревне, как с хлебом... Благодарили за подарки. Один боец вытащил из кармана пунцовый вышитый кисет и аккуратно сложенное письмо от рабочих Аркадакского маслозавода.

— Это дороже всего,—сказал он, слегка помахивая письмецом,—мы всего вдоволь имеем: и табак, и сахар, кормят, одевают нас отлично... А вот ласковое слово—оно к сердцу льнет.

Мы видели, как бережно хранили бойцы полученные ими письма. Табак искурят, печенье съедят, а вот крохотная записка или небольшой сувенир, хотя бы вышитый кисет, он останется. И в жаркую минуту боя или в опасной ночной разведке, он—этот скромный кисет или письмецо, спрятанное в боковом кармане куртки, будет молчаливо напоминать бойцу о друзьях из далекого тыла, которые помнят его, заботятся о нем, любят его.

Заговорили о боевых делах, люди вспомнили минувшие битвы. Этим людям есть что вспомнить. Лейтенант-орденоносец тов. Тимин рассказал нам, как в первый день войны, 22 июня, его застава держалась 7 часов, сдерживая натиск превосходящих вражеских сил.

— Мы видели, как немцы бросали гранаты в дома заставы, мы сами стреляли из пулеметов

в ту сторону... А в этих домах остались наши семьи... жены и дети...

Он произнес это тихо, спокойно. Эта сдержанность, показывающая огромное самообладание и силу воли, подействовала на нас сильнее всяких жалоб и слез. На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина. Сидевшие на скамьях бойцы—боевые друзья и соратники безмолвно разделяли скорбь своего лейтенанта.

— Что делать, война!—добавил он, помолчав.

Заговорил сидевший рядом с ним политрук Тимошенко. Он говорил страстно и проникновенно:

— Я из Пензы, но родина моя на границе. Я буду опять на границе, буду жить на заставе, ходить дозором, охранять советский рубеж. Жена в письмах спрашивает: «Когда поедем на заставу?» Отвечаю: «Скоро».

Эту непоколебимую уверенность в конечной победе над гитлеровской Германией мы слышали всюду—и от рядовых бойцов, и от командиров.

— «Он» бил на внезапность, выпустил на нас танки, минометы, автоматы. Первое время действовало. От автоматов этих—шуму, грохоту! А потом приспособились, и так их чикали... Да и сами кое-чем обзавелись.

Бойцы показывали нам свое вооружение: автоматы, самозарядные пистолеты-пулеметы, минометы... Да, наша армия уже не та, что была

в первые месяцы войны. Многому научила нас война.

После беседы бойцы пригласили нас к столу. Вместе с ними пообедали. Нам подали замечательный жирный борщ, на второе — жареную баранину с картошкой, потом прекрасный квас, сладкий чай с белыми булками. Нас окружали молодые, здоровые, жизнерадостные люди, полные сил, энергии и стремительного воинственного пыла. Воочию, своими глазами мы убедились: армия ни в чем не испытывает недостатка—она хорошо одета, вкусно и сытно питается, вооружена последними новинками военной техники. А главное—дух армии непоколебим.

ЧУДО-БОГАТЫРИ

Вот они, наши земляки! Простые, свежие, молодые лица, звонкие юношеские голоса, смех, идущий от самого сердца, и шутка, от которой так и пахнуло волжским простором и черноземом. Одетые в теплые форменные полушубки, все такие же саратовские парни, каких мы видим и сейчас каждый день на заводах, в мастерских, в колхозах, на улицах, в трамваях.

В маленькой комнате штаба полка сразу стало тесно и необычайно оживленно. Мы встретились, как старые добрые друзья, у которых много общих интересов и знакомых. Их лица сияли радостью:

— Неужто из Саратова? Из самого Саратова? Ну, что там делается?

Интересовались всем: как работают заводы, как торгуют магазины, что ставится в театрах.

Бывший колхозник из артели «Красное знамя», Кистендейского района, младший сержант И. А. Ильин расспрашивал про колхозы: как с хлебом в деревне, как готовятся колхозники к весеннему севу.

— Сеять много надо, придется весной поднажать на работу.

Красноармейцу В. Л. Комарову из деревни

Ольгину Макаровского района было неприятно услышать правду о своем районе. Он покачал головой:

— Значит, плохо управились с уборкой урожая?.. А теперь с ремонтом тракторов отстают. А мы-то думали.. Передайте макаровским колхозникам и колхозницам: вернемся с фронта, обо всем спросим — и про необмолоченный скирд, и про несрезанный подсолнух, и про незасеянную пашню. Пусть стараются там — и тракторы и лошади в порядок приводят, да чтобы посеяли столько, сколько требуется.

Слышите, товарищи, макаровцы! Стыдно будет не уважить просьбу земляка-фронтовика, с первого дня войны стойко защищающего нашу родину. Он жизни своей не щадит в борьбе с врагами. Ему куда труднее выполнять свой долг, чем вам.

Земляки не посрамили нас на фронте. Можно с гордостью рассказывать об их славных боевых делах. О том, например, как они участвовали в защите острова Хортиц в Запорожье. Немцы высадили на остров четырехтысячный десант с танками и минометами. Нашему подразделению под огнем противника пришлось вплавь на спасательных кругах переправляться на остров. Три раза в течение двух с половиной часов ходили наши бойцы в атаку и истребили весь вражеский десант.

На рассвете 22 июня прошлого года застава, в которой находился ефрейтор Е. О. Назаров,

бывший рабочий Саратовского тарного комбината, защищала свой рубеж с четырех утра до четырех часов вечера. На правом фланге было отражено пять яростных атак фашистов, пытавшихся обойти наших бойцов, зайти им в тыл, окружить. Вражескими трупами перепрудилась узкая пограничная речка, от крови покраснела вода. В нескольких метрах от окопов загорелся лес, пылали подожженные немецкими снарядами строения заставы. Дым и гарь слепили глаза. Было трудно дышать. Стволы винтовок и пулеметов накалились и жгли пальцы. Но пограничники не отступали, стойко защищая клочок советской земли. Под пулеметным и орудийным огнем Назаров дважды восстанавливал связь с соседней заставой.

Можно рассказать о том, как бывший ново-бурасский колхозник Н. Д. Гурьянов проявил величайшую бдительность и в непосредственной близости от линии огня задержал крупного диверсанта.

Дело это было еще в первые месяцы войны, на Украине, в Запорожье. Отряд пограничников добрался к вечеру до большой деревни, расположился прямо на улице на отдых. Со степи доносилась артиллерийская стрельба: шли упорные, кровопролитные бои. Через деревню на рысях промчался, звеня стремянами и уздечками, кавалерийский полк, и после него еще долго в улицах стояла густая, черная пыль. Низко, неистово урча моторами, проносилось звено истре-

бителей. В автомашинах провезли раненых, потом потянулись обозы — походные радиостанции, повозки с бельем и сухарями, санитарные крытые машины, дымя проехали походные кухни, и повара с винтовками за плечами сидели рядом с повозочными. Шла война со всеми присущими ей тревогами и контрастами, с ее вздыбленной, неповторимой и непередаваемой, страшной и по-своему красивой и прекрасной жизнью, наполненной опасностями и особым стремительным напряжением. На войне было, как на войне. В степи глухо били орудия, в медсанбате, расположившемся в вишневом саду, в палатке на операционном столе лежал майор-танкист, а жизнь шла обычным чередом. К бойцам, находящимся, на отдыхе, робко подошли деревенские девушки, встали в сторонке полукругом. У бойцов нашлась гармонь, и вот тихим теплым августовским вечером на зеленой улице большого украинского села растянулась во всю ширь гармонь и запела — заиграла саратовские частушки.

В самый разгар веселья к группе бойцов подошел военный. На нем была гимнастерка со знаками различия лейтенанта. Он закурил, стоял молча, равнодушно прислушиваясь к разговору. И потому, что он появился так неожиданно, один в темноте и стоял молча, Гурьянов обратил на него внимание и осторожно стал выспрашивать: из какой части, куда направляется. «Лейтенант» охотно отвечал: он из 134 артил-

лерийского полка, один, едет в Днепропетровск. Именно потому, что он так охотно и подробно рассказывал о себе, по его ответам, по лицу, по глазам Гурьянов все понял.

— Зайдемте на минутку в штаб.

«Лейтенант» побагровел, вспыллил.

— Как ты смеешь!..

— А ну, ребята! — крикнул Гурьянов.

Сразу оборвалась гармонь, их мгновенно обступили бойцы. Через минуту задержанный был доставлен в штаб полка. Там выяснили: «лейтенант» оказался немецким разведчиком, сброшенным на парашюте с фашистского самолета.

Земляки вспоминали знаменитые сражения в Голосеевском лесу, где за месяц немцы потеряли убитыми до 30 тысяч солдат и офицеров.

— Нам приходилось сдерживать напор врага, — рассказывал тот же красноармеец Гурьянов. — Немцы рвались вперед, как голодные псы. А нас было совсем немного. Так мы подпустим их — и в атаку. Не терпят нашего штыка. Раз пятнадцать, не меньше отражали натиск. Тяжело было, конечно, скрывать не будем. Но никто из нас не дрогнул..

Немеркнувшей славой покрыли себя в эту войну советские пограничники.

С грустью и болью в сердце рассказывали нам о бойцах 4-й заставы. Они не оставили рубежа и, отрезанные от своих частей, окруженные врагом, бились до последнего патрона. Только

через их трупы фашистские оккупанты вступили на нашу землю.

Под Ярцевом бойцы дрались семь суток с превосходящими силами противника, сдерживая его напор. Окруженные со всех сторон, сжатые в кольцо, они пошли со штыками наперевес в атаку, опрокинули, смяли, отшвырнули врага, не ожидавшего такой ярости и упорства от измученных, уставших, голодных людей.

О подвиге Трофима Горбаня мы слышали рассказ от многих и командиров и бойцов.

Трофим Горбань лежал у своего пулемета, вглядываясь в расстилавшуюся перед ним широкую равнину. С минуты на минуту ожидалось наступление немцев. И вот оно началось. Сначала появились танки. Черные уродливые чудовища, они тяжело переваливались, изрыгая из своих башен орудийный и пулеметный огонь. Они двигались неумолимо, упрямо, казалось, никакая сила не может их остановить и повернуть вспять. За ними бежали автоматчики и, по своему обыкновению, прижимая автоматы к животу, поливали свинцовым ливнем позиции советских войск. Все ближе, ближе. Земля и воздух содрогались от страшного гула моторов и разрывов снарядов. Один из фашистских танков направился прямо на пулемет Горбаня. Боец выжидал, он лежал все так же неподвижно, глазами измеряя расстояние. Сто метров, пять-

355555

десять, сорок. И тут нажал на гашетки: длинная очередь прокатилась по смотровым щелям танка, по его пулеметам. Но танк, ревя мотором, премя орудийными залпами, шел и шел. Его снаряды рвались вокруг пулеметчика, вздымая фонтаны земли. Тридцать метров, двадцать. Горбань будто пристыл к своему «Максиму» и упорно, настойчиво расстреливал танк.

Это было дерзкое, неслыханное единоборство танка и пулемета. Еще немного, и гусеницы танка наедут, раздавят и пулемет и человека. Но Горбань не двинулся с места. И он победил. Танк неожиданно нелепо подпрыгнул и встал всего лишь в нескольких метрах от пулеметного гнезда.

— Теперь ты мне, гад, не страшен, — произнес Горбань и сразу же перевел огонь на бегущих автоматчиков. Они отчаянно кричали, выли и беспорядочно стреляли. Пули свистели над головой Горбаня.

— Таких вояк я уже видал.

Спокойно целясь, он выпустил одну за другой две длинные очереди. Фашисты залегли, многие из них уже больше не встали.

Немцы открыли по пулеметчику сильный прицельный огонь. Мины и снаряды рвались вокруг. Горбань переменял позицию, но и на новом месте его скоро нащупали. От удара мины раскололся на куски щит пулемета. Он отряхнулся, зарядил пулемет новой лентой.

— Врете, с Горбанем не так-то скоро расчитаетесь. Он вам еще покажет.

Его пулемет снова заговорил.

Вдруг пуля пробила кожух, потекла вода. Горбань быстро перевязал кожух тряпкой, и вновь заработал его весь израненный, изуродованный славный русский «Максим».

Рядом разорвался снаряд, пулемет подбросило в воздух, отлетело колесо. Отброшенный в сторону, контуженный лежал несколько секунд без движения Горбань. Очнулся, ползком подобрался к пулемету: он был весь разбит, замок не действовал.

— Оработал свое, — с грустью произнес Горбань.

Тем временем воспользовавшись затишьем, фашисты поднялись во весь рост, побежали прямо на пулеметчика:

— Русс, сдавайся!

— Как бы не так!

Яростный и грозный поднялся пулеметчик во весь рост навстречу бегущим немцам и забросал их гранатами. Несколько человек упало, но остальные бежали, не останавливаясь:

— Русс, сдавайся!

У Горбаня уже нет пулемета, нет гранат. Но остался еще пистолет. И он в упор, на выбор начал расстреливать врагов. Это бесстрашие и мужество советского чудо-богатыря было так величественно и устрашающе грозно, что немцы не выдержали, побежали обратно.

Горбань посылал им вслед пулю за пулей, приговаривая:

— Не лезьте больше ко мне, все равно не пропущу.

...Таковы славные дела земляков-пограничников и их боевых друзей, у которых мы побывали в гостях.

Мы распрощались на улице тепло и задушевно. Стоял солнечный ясный день, слегка морозило. Над городом патрулировал самолет. С запада, из-за рощицы глухо доносилась артиллерийская стрельба. Там шел бой.

НАРОД-ГЕРОЙ

Проводник Ипатов

О старике Василии Панкратьевиче Ипатове нам рассказал майор-пограничник. Разговор зашел о боевом пути полка и тогда было упомянуто имя старика.

В тяжелые осенние дни прошлого года, когда с боями, изматывая врага, наша армия медленно отходила, целое подразделение, оторвавшись от своей части, оказалось в глубоком вражеском тылу. Приходилось пробираться лесами, болотами, днем отсиживаться в глубоких балках и оврагах, вступать в бой при встречах с фашистскими отрядами, а больше действовать хитростью, пуская в ход испытанную русскую смекалку.

И вот однажды в сумерках угасающего осеннего дня, недалеко от деревни, занятой немцами, в лесу наши разведчики наткнулись на старика-крестьянина. Он был опоясан широким цветным кушаком, за которым торчал топор, в руках держал веревку. Хмуро и пристально посмотрел на красноармейцев, спросил:

— Сбились?

— А ты кто такой? — спросили настороженно в свою очередь разведчики.

— Я то?... А нет никто. Вот дровец хочу в лесу нарубить... Не этой дорогой вам идти надо, — добавил он, помолчав, — тут сразу в беду попадешь...

— А ну, идем в штаб.

— Идем, — охотно согласился старик.

Шагая рядом с красноармейцами, он вдруг широко улыбнулся:

— Вот это по-моему. Правильно поступаете, только не сомневайтесь, я ведь все вижу, все знаю, вы не первые. Дорогу знаю, выведу.

Позже выяснилось, что этот 65-летний старик с длинной седой бородой только утром вернулся с «прогулки», как он назвал перевод большого советского ютряда через линию фронта. В течение последней недели он шесть раз выводил наших бойцов и командиров из немецкого тыла и вот опять был готов для опасного похода.

Сидя у затухающего костра за ужином в лесу, старик немногосложно отвечал на расспросы командира. Расспросы эти, видимо, его немного обидели и, явно сердясь, он сказал в заключение:

— Обо мне у вас, вижу, печаль большая. Вдруг да пропаду, немец подстрелит. Эка, подумаешь! Зря обо мне тужите, и слов не надо тратить. Прожил свое, не только сыны — внуки сражаются в Красной Армии. На себя погляди, командир, вокруг оглянись, народ-то какой у тебя, орлы! Они ведь государству нужны, ой-ой как нужны. Сейчас битва идет за жизнь нашу,

за то, чтобы на земле своей стоять крепко. А война кончится, народ опять нужен будет. Исполнит подлец-фашист нашу землю, сколько дела вперед! Вот и суди сам. Ну, пропадет старый мужик Василий Ипатов, а через его смерть сколько жизней молодых сохранится. Поболее трехсот человек к месту уже доставил. И командиры были большие. Есть от этого польза или нет? Да что говорить! — старик махнул рукой и медленно поднялся с земли. Посмотрел на темное беззвездное небо, вдохнул сырой осенний воздух. — Пошли! Сейчас самый раз...

Одному ему известными лесными тропинками, через овраги, через лесную чащобу вел бойцов. Но под конец пути выбился из сил. Хватался руками за грудь, извиняющимся тоном говорил:

— Подвелся старый, никуда не гожусь.

Двое бойцов подняли его на руки и последние восемь километров бережно несли на плечах. Он указывал путь, тихо приговаривал:

— Скоро сынки, теперь уж недалече. Ах, как подвелся, старый.

Когда была пройдена линия фронта и бойцы вступили на незанятую немцами землю, старика бережно сняли с рук. Он скинул шапку, широким жестом повел вокруг себя и произнес:

— Ну, вот мы у себя дома.

Подошел командир, молча обнял, крепко поцеловал его:

— Спасибо, отец, спасибо, родной.

На прощанье ему предлагали продукты, он решительно отказался:

— Не надо, не за что. Я же не для себя, для народа своего старался.. Живите, детки, бейте крепче гадов, а мы, как можем, подсобим.

Он долго стоял, глядел вслед удаляющимся бойцам. Шапку держал в руке, ветер трепал его седые волосы и густую, ниспадающую на грудь бороду.

... С того дня прошли месяцы, были упорные бои, трудные переходы, многое уже затуманилось в памяти, а вот славного старика-патриота, так просто и скромно совершившего большой подвиг, вспоминают и сейчас с чувством благодарности советские воины.

Военфельдшер Чупайда

В штабе одного полка мы познакомились с военфельдшером Анной Сергеевной Чупайда, «Галей», как ее ласково называют все—и бойцы, и командиры. Это—совсем еще юная девушка с тонкими привлекательными чертами лица и коротко стриженными волосами. В военной форме, брюках и сапогах, она похожа на шаловливого подростка-мальчика. Войдя в комнату, где за столами сидели писаря, а за перегородкой адъютант полка склонился над оперативной картой, она по-строевому щелкнула каблуками и приложила руку к серой шалке-ушанке.

Ее история—история многих и многих тысяч украинских девушек. Когда началась война, она жила в деревне с отцом-колхозником в зеленой, милой сердцу Полтавщине, работала в сельской больнице. И вот придвинулся фронт, через деревню проходили воинские части. От гула, лязга и шума в маленькой хате вздрагивали стекла. Галя с тревогой смотрела в окно на пронесившиеся по улице танки и грузовые тягачи, на сердце было тоскливо. Где-то далеко в стороне гудела орудийная канонада, казалось, то глухо и грозно рокочет сама земля.

Потом канонада стихла, стало глухо, тревожно, фронт отодвинулся в сторону, минуя деревню.

Однажды в хату постучало двое красноармейцев. Они оторвались от своей части, были голодны, утомлены и, не зная местности, боялись напороться на немцев. Девушка вызвалась показать им дорогу. Ночью вела она красноармейцев по нескошенному неубранному жнитву. Высокая когда-то рожь, вытоптанная копытами лошадей и колесами танков, лежала поникнув к земле колосьями. Было горько видеть поверженный в прах человеческий труд. Духовито пахли травы, вокруг стояла изумительная тишина—будто нет и не было никакой войны.

Недалеко от деревни, откуда начинался большой шлях, напоролась на немецкую засаду, их обстреляли из автоматов, пришлось уходить обратно, в поле, в рожь. Вернулись домой, передневали, в сумерки снова тронулись в путь,

уже в другую сторону. К ночи добрались до шоссе. Пошли вдоль его, но вскоре услышали нарастающий гул: нагоняла колонна немецких танков.

Свернули в лес и оврагами, балками, таясь и хоронясь, шли всю ночь до утра, пока не выбрались на безопасное место.

Красноармейцы крепко пожали руку, звали с собой, она идти с ними не решилась. Она ушла немного позже с пограничным отрядом, который отходил с боями от самой границы, пробираясь по вражеским тылам в полном составе, с вооружением, с ранеными и больными.

Было больно и грустно расставаться с родными местами, со стариком-отцом, со всем таким близким и знакомым миром. На прощанье она сказала отцу:

— Чем умирать здесь от фашиста-насилъника, лучше со своими уйду. Погибну, так хоть с пользой.

Она шла впереди отряда, ведя его знакомыми лесными тропками. Ходила в разведку, выведывая расположение и численность врага, перевязывала раненых, ухаживала за больными—и все это просто, легко, с неизменной ласковой улыбкой на губах. Однажды пролежала несколько часов в коноплянике, в десяти метрах от шоссе, по которому беспрестанно двигались немецкие войска. Походным порядком шла пехота. Был слышен сдержанный гул голосов, доносились отрывочные слова команды, даже можно было

различить при свете звезд лица идущих солдат. Ах, как хотелось швырнуть в этот ненавистный солдатский грузный поток парочку гранат! Но позади в перелеске—притаился отряд пограничников, а вокруг на многие километры были немецкие войска. Не уйти тогда пограничникам. И Галя, сжимая в руках гранаты, ждала. После пехоты шли машины, потом—танки, казалось им конца не будет. К полночи движение стихло. Галя вернулась к своим и все—бойцы и командиры, раненые, больные, быстро, бесшумно, следуя за девушкой, миновали опасную зону.

Немного позже, проделав сотню километров на колхозной подводе, она доставила в полевой госпиталь тяжело раненого политрука Маленко. Он стонал, его знобило, порою впадал в забытье. Она доставала для него молоко, хлеб, иногда сама не доедая—отдавала ему. Его спасла ее забота и уход. Теперь, спустя почти полгода, он часто вспоминает это тяжелое путешествие и при встречах с Галей особой лаской светятся его глаза.

За боевые заслуги военфельдшер Чулайда представлена командованием к правительственной награде.

Володя Макаревич

В приказе по фронту к XXIV годовщине Красной Армии среди награжденных орденами и

медалями был назван 15-летний ученик елецкого железнодорожного училища Володя Макаревич. Худенький, беловолосый, подвижной мальчик, он действовал при занятии нашими войсками города Ельца, как истый герой, оказав большую услугу наступающим передовым частям.

Когда в предрассветной дымке морозного декабрьского утра заговорили со стороны элеватора советские орудия и где-то в городе за кирпичными стенами пивоваренного завода начали рваться снаряды, Володя с радостным криком «Наши!» выбежал из дома. В конце улицы, вдоль заборов, низко пригибаясь, бежали красноармейцы. Двое установили на углу пулемет, и морозный воздух рассекла сухая пулеметная дробь. Не помня себя от восторга, Володя подбежал к красноармейцам:

— Товарищи, дорогие!. Пришли!

Пулеметчик, совсем еще молодой безбровый боец, вдруг глухо охнул, упал на снег. Володя понял: оставшемуся красноармейцу одному будет трудно управиться с пулеметом. Он присел рядом на снег и прерывающимся от волнения голосом попросил:

— Дяденька, разреши, помогу.

В это время пуля ударила в щиток пулемета.

— Ложись!—свирепо крикнул красноармеец, взглянув страшными глазами на мальчика, — хочешь, чтобы и тебя...

Володя лежал рядом с пулеметчиком, подавая ему ленты. Сердце его учащенно билось: вот

оно настоящее, боевое дело, вот оно!.. Пулемет выводил свою смертоносную песню: та-та-та... Немецкие пули тоненько повизгивали над головами, вздыбливали снег. Володя в упоении кричал:

— Наддай, ух, как здорово!

Подошли еще пулеметчики. Боец обернулся к Володе, сказал:

— Теперь уходи. Еще подстрелят.

Мальчик чуть не заплакал.

— Да нет, я с вами. Я вас проведу садами. Пойдемте, я знаю, где фашисты установили пулеметы.

Он вскочил и побежал в ближайший двор, оттуда—в сад. Бойцы следовали за ним.

— Пойдемте, я знаю, — повторял Володя, боясь, что его прогонят.

Ах, как хотелось помочь им хоть чем-нибудь!

Рассветало. В садах стояли притихшие, обсыпанные густо инеем, иззябшие деревья. Люди задевали за мерзлые ветви, с них мелкой холодной пылью падал снег, обсыпая лица и полушубки красноармейцев. Кто-то крикнул:

— Эй, паренек, к командиру!

Командир роты—рослый, уже немолодой лейтенант спросил:

— Город хорошо знаешь?.. Ну, давай, показывай, где немецкие пулеметы.

Садами, задними дворами, перепрыгивая через заборы, закоулками вел Володя передовой отряд красноармейцев в обход немцев, засевавших за

рекой в пивоваренном заводе. Недалеко от крутого берега реки Володя нашел валявшийся в снегу автомат.

Командир спросил:

— Стрелять умеешь?

— Еще бы! Меня красноармейцы обучили, когда на квартире стояли.

Вскоре Володя доказал это на деле. Первого фашиста он убил, когда тот перебежал через улицу. Нелепо взмахнув руками, немец уткнулся лицом в сугроб.

— Молодец,—похвалил командир.

Похвала еще более окрылила мальчика. Володя Макаревич бежал рядом с красноармейцами, кричал «ура», стрелял из автомата.

На поляне, около речки он убил немецкого офицера и двух солдат. Одну за другой показал нашим бойцам шесть пулеметных вражеских точек.

На Пожарной улице, недалеко от центра города помогал выламывать забор в каком-то саду, потом стремительно бежал, видя, как далеко впереди в конце улицы удирают немцы. И тут почувствовал боль в ногах, будто кто-то сразмаху ударил поленом. Упал навзничь на снег. Понял—ранен. Приподнялся—увидел: бойцы уже отбежали далеко, немцев не видно. Яростно и явственно стреляли орудия и автоматы, и, незамечаемые раньше, пули тоненько и зло свистели над головой...

Его подобрали санитары, доставили в госпиталь, перевязали.

И вот он—немного бледный и худой после болезни, беловолосый шустрый мальчик сидит напротив меня за столом в квартире политрука. Стараясь казаться взрослым, рассказывает об освобождении от немецких банд Ельца, города, где родился, жил, учился.

На пиджаке на красной ленточке у него красуется медаль «За отвагу». Он говорит, что цель его жизни теперь—стать командиром-танкистом.

**
*

Это только два эпизода из многих и многих, которые мы слышали во время пребывания на фронте. Здесь все полно героизма и отваги. Это здесь в городе Ельце учительница Варвара Филипповна Ляшкова, рискуя жизнью, спасла 33 раненых бойцов и командиров, спрятав их от немцев в школе. Это здесь 16-летний юноша Сережа Гудин спас раненого политрука, вынес его с поля боя, показал красноармейцам фашистские пулеметные гнезда и, как Володя Макаревич, помог нашим частям при взятии Ельца; Гудин также награжден медалью «За отвагу».

Никому не сломить богатырский дух русского народа. Не сокрушить этот народ, поднявшийся в священной ненависти отечественной войной на подлого врага. Слава тебе народ-герой!

СЛЕДЫ ЗВЕРЯ

В древнем городе Ливны, где, по преданию, еще Иоанн Грозный ловил в реке бобров и где окраины носят старинные названия «Стрелецкая слобода», «Пушкарская слобода», в этом тихом русоком городе мы видели следы кратковременного пребывания немецких захватчиков. Мы ходили по городу, как по кладбищу, и с тяжелым чувством горечи и жалости осматривали пепелище пожарищ, разрушенные железнодорожные постройки, ступали по пустырю, занесенному снегом, где стоял недавно вокзал. Особенно большому разрушению подвергся центр города, его лучшая часть. Несколько кварталов, сотни красивых каменных зданий превращены в обуглившиеся руины с закопченными стенами и выбитыми окнами. Вот тут была школа. Сотни ребят с веселым шумом и смехом заполняли ежедневно просторные высокие классы. Сейчас — голые кирпичные стены, обвалившаяся каменная лестница, остовы печей. И только прибитая уже нашими бойцами вывеска гласит, что здесь была неполная средняя школа. Вот здание кинотеатра — одна уцелевшая, выкрашенная масляной краской стена и обломки других. Вот электростанция — стены

без крыши и окон, на заснеженном полу изуродованная динамомашинка, рядом во дворе — водонапорная башня со взорванным котлом, нелепо повисшим на самом верху башни, и скрюченной, покареженной винтовой лестницей. Немцы сожгли в городе поликлинику, хлебозавод, ремонтные тракторные мастерские, школы, театр. Чингисхановскими ордами, ломая, уничтожая, предавая огню все, что попадалось на пути, прошла гитлеровская грабьярмия по временно захваченной советской земле. В Ливненском районе всего сожжено 1184 колхозных двора. В селе Крутово из 350 хозяйств уничтожено 270. Полностью разграблены и сожжены колхозы имени Кагановича и Фрунзе. Сотни людей погибли от пуль и гранат, от огня и морозов.

В Казацкой слободе из 42 домов уцелела лишь единственная небольшая хатка, принадлежащая Варваре Михайловне Гончаровой. Мы беседовали с этой женщиной. Немцы из автомата убили ее дочь Елену Николаевну Бешенцову, жившую в другой — Ямской слободе. Бешенцова вышла на улицу за водой, в это время по улице шло несколько немецких автоматчиков. Один из них прицелился, выстрелил. Обливаясь кровью, женщина упала мертвая на пороге своего дома. Рискуя жизнью, ползком по замерзшему болоту, Гончарова спасла маленьких внучат. Немцы не позволили убрать труп дочери; труп сгорел вместе с домом. После Бе-

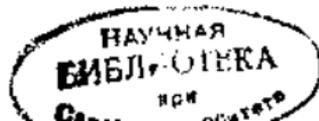
Шенцовой осталось трое детей — старшему мальчику 7 лет, младший — 5-месячный грудной ребенок. Он умер через несколько дней после гибели матери. Гончарова волнуется, когда рассказывает обо всем этом, но глаза ее сухи. Слезы давно выплаканы, боль утраты затихла, осталась только святая материнская ненависть к извергам, вторгшимся в ее дом, в ее жизнь.

Она поведала нам, как немцы выгнали всех из домов, не позволяя забирать с собой ни вещей, ни одежды, ни даже мелкого домашнего скота и птиц.

— Мы жизнь снова увидели, когда наши родные красноармейцы подошли. Я как увидела их, кинулась навстречу, обняла одного совсем молоденького, целую, плачу: «Сынок, спаситель!». И он еле слезы сдерживает, гладит меня по плечу, успокаивает: «Не тревожься, мамаша, погоди, дай немца выгнать, я приду, поговорим»...

В местной больнице, наскоро оборудованной в небольшом деревянном доме, я видел женщин, стариков и детей, обмороженных или раненых немецкими гранатами. Их было больше 40 человек. Тяжело смотреть на больного, перевязанного, стонущего взрослого человека, но когда болен, перевязан ребенок, когда он стонет и плачет — какое сердце выдержит! Я видел двухлетнюю девочку Валу Труфанову, раненную в голову осколком гранаты, брошенной

355655

немцами в подвал, где находились женщины и дети. Я видел девятилетнего мальчика с обмороженными и забинтованными ногами. Я видел семидесятилетнюю старуху с забинтованными, обмороженными руками.

Со многими из них подолгу беседовал. Это были страшные, потрясающие рассказы.

Вот еще сравнительно молодая женщина с забинтованной правой рукой. У нее поблекшее, землистое лицо, какое бывает у людей, долго пробывших в больнице. Голос тихий, ровный, глаза спокойные, и это спокойствие особенно тягостно и трагично: значит человек много пережил и перечувствовал, коль рассказывает равнодушно о таких страшных делах.

Зовут ее Наталья Ильинична Сизенова, она — колхозница из деревни Трудки, Орловской области.

Это случилось зимой, в самые лютые крещенские морозы. Днем и ночью наши передовые части тревожили немцев, занявших деревню, не давали им ни часу покоя. В бессильной злобе фашисты подожгли деревню, спалили и хату Сизеновой, и тогда с четырьмя малолетними детьми и старухой матерью она спряталась в подвал к соседям. Там собралось три семьи, исключительно одни женщины и дети. 23 дня находились они в подвале, питаясь сырой картошкой и солеными огурцами.

И вот 18 января — дата, запомнившаяся на

всю жизнь, — неожиданно открылась дверца,
прикрывающая вход в подвал, и раздался гру-
бый, зычный окрик:

— Геть, геть, пошэль!

Женщины, кутая полураздетых детей, вы-
брались наружу. Страшная картина предстала
перед их глазами: обугленные остовы печей,
груда пепла, обгоревшие пни на том месте, где
всего лишь несколько дней назад правильными
рядами стояли крестьянские избы.

Куда итти, что делать?

— Геть, геть, пошэль, — повторился гру-
бый приказ.

Женщины тронулись вдоль села, не узнавая
родных мест, сквозь слезы рассматривая пепе-
лице пожара. Они остановились около случайно
уцелевшего колхозного сарая, но люди в нена-
вистных темных зеленых шинелях погнали
дальше.

И вот околица, заснеженное голое поле. Не-
мецкий солдат, неотступно следовавший за жен-
щинами с винтовкой за плечами, широким же-
стом показал вдаль, в поле, что-то произнес на
своем непонятном языке и вдруг громко за-
смеялся.

— Геть, геть!

Он гнал женщин из выжженной родной де-
ревни в поле, на мороз, на смерть, на гибель.

На пятилетнем Коле была только одна ру-
башонка, на ногах семилетней Нины тонкие чул-

ки. Мать посмотрела на немца, хотела ему что-то сказать, но тот угрожающе сдвинул брови:

— Геть, пощёль! — и головой показал в поле.

Они шли, эти несколько женщин и маленьких детей, увязая в сугробах, задыхаясь от встречного сильного ветра. День был студёный, небо — в серых тяжелых облаках, завиваясь кудрями, кружилась по дороге поземка.

Сизенова прижимала к себе Колю, кутала его в старенькое пальтишко, стараясь согреть своим телом. Коля громко плакал, жалостливо спрашивал:

— Мама, скоро придем? Хочу в хату, ну — в подвал.

Мать уговаривала: вот скоро деревня, там отогреемся, будет тепло.

Подбадривая себя и ребят, она шла и шла вперед, подталкиваемая непреодолимым желанием спасти детей.

Коля вкоре перестал плакать, он только вздрагивал и громко стонал. Упала на снег Нина и не шелохнулась. Старуха-мать опустилась рядом с ней, сказала:

— Не могу, умаялась, иди без меня.

Сопровождавшие женщины посоветовали:

— Оставь их, Наталья, все равно не спасешь, только себя погубишь.

Она сжала плотно губы, ответила:

— Идите. Я их не брошу.

Женщины ушли вперед, обещая выслать подмогу. И осталась Наталья Сизенова одна на

пустынной малоезженной, занесенной снегом дороге, в поле с больной старухой-матерью и замерзающими детьми. Она не хотела, не могла так просто сдаться. Пока смотрят глаза, пока есть силы,—надо итти и итти. Она отнесла Колло вперед шагов на сто, расстелила на снегу дерюжку, завернула в нее притихшего мальчика, оставила, сама поспешно вернулась назад, также на руках отнесла девочку Нину. Вернулась опять, помогла подняться старухе-матери, под руки со старшими детьми провела ее вперед.

Так этапами переносила она своих детей, не зная даже, живы они или перетаскивает она на руках уже окоченевшие трупы.

Но настала, наконец, минута, упала обессиленной и Наталья.

Сколько прошло времени, она не помнит. Спасение пришло неожиданно. Оно явилось в образе трех молодых красноармейцев-разведчиков. Они подобрали женщин и детей, отнесли их к лесной сторожке, на заставу, долго оттирали снегом, привели в чувство, напоили горячим чаем, накормили, уложили спать.

...Сейчас все они находятся на излечении в больнице в городе Ливны, поправляются.

Один рассказ следовал за другим. О сожженной заживо в деревне Ямские Хутора женщине; о 28 расстрелянных и повешенных жителях Русского Брода; о расстрелянных в Ливнах

14-летних мальчиках Игоре Карасеве и Володе Мельникове, осмелившихся при немцах выйти на улицу в своей обычной одежде шинелях и буденновках; о грабежах и издевательствах над женщинами и девушками.

...Стоял хмурый февральский день. По улицам проносились машины, шли пешеходы, регулировщик в теплом дубленом полушубке взмахивал флажками — то красным, то желтым.

Город залечивает раны. Пущена первая очередь электростанции, работают хлебопекарни. В местном театре с почерневшими от пожара стенами, в зале с окнами, заколоченными фанерой и досками, в полумраке и темноте, бригада артистов дала бойцам концерт.

Город отстроится, станет еще лучше и красивее, чем был. На месте нынешних битв зацветут сады и луга, народ-творец, народ-герой вновь обратится к мирному труду, будет строить свою прекрасную жизнь. Но от матери к дочери, от деда к внуку будут передаваться страшные рассказы о зверствах и бесчинствах немецких захватчиков. Лихое время, когда фашисты побывали на русской земле, надолго сохранится в памяти народа.

„Ф Р И Ц Ы“

В Ельце мы видели пленных. В морозный февральский день они стояли в своих потрепанных тоненьких шинелях и кителях, в измятых приплюснутых шапках-пилотках. У одного на голове краденый вязаный шлем, другой обмотал ноги тряпками. «Фрицы», как коротко и презрительно окрестили их наши бойцы.

Зейферт Конрад прибыл на Восточный фронт 1 июля прошлого года. Ему 21 год. Он вырос, воспитался уже во времена гитлеровской тирании и ему, обалдевшему от геббельсовской трескучей пропаганды, война представлялась увеселительной прогулкой, во время которой, развлечения ради, можно убивать, грабить, жечь всех русских. И он убивал и грабил, пока не попал наконец в плен. Он смотрит на нас исподлобья, на вопросы отвечает нехотя, односложно.

— Нам сказали: не пройдет и месяца — с Россией будет все кончено.

— А когда прошел месяц и с Россией не было покончено, что тогда вам говорили?

— Еще месяц, и тогда обязательно все кончится.

— А она не кончилась. Что вы думаете сейчас о войне?

Ефрейтор опускает голову, молчит. Ему явно неприятно отвечать. Мы терпеливо ждем.

— Ну что же, отвечайте, ефрейтор.

Он поднимает голову, нехотя говорит:

— Думаю, войну с Россией мы проиграем.

Мозги ефрейтора начинают проясняться. Для этого потребовалась основательная трепка на фронте и пленение советскими войсками.

— Что вы хотели получить? Что вам нужно было от нас?

Ефрейтор выпрямляется. Это он хорошо знает, это ему крепко вдолбили.

— Нам нужна была Украина. Хлеб, мясо, масло.

Его глаза загораются блеском. Перед нами зверь, выдрессированный, натасканный, сразу настроившийся при одном только упоминании о мясе.

Вот унтер-офицер Карл Эрнст. Уроженец Вены, австриец, по образованию инженер сельского хозяйства. Он обижен тем, что Гитлер не доверяет австрийцам и поэтому он, Карл Эрнст, не был удостоен офицерского чина. Ах, какое упущение допустил Гитлер! Уж не они ли приветствовали фашистов! Почти две трети венских адвокатов, дантистов и журналистов вступили в фашистскую партию, в ожидании высоких государственных постов. Но немецкие

фашисты обманули, они сами заняли эти посты. Сейчас многие из этих австрийцев не прочь бы и отречься от фашизма, но... гестапо шутить не любит.

Что он думает о войне? Он возмущен вероломством Гитлера. Лучше, если бы Германия попрежнему торговала с Россией, а не пыталась отнять у нее силой землю и города, не принадлежавшие никогда Германии. Гитлер за это заплатится.

Интересуемся культурным уровнем этого инженера в унтер-офицерской шинели. Любит ли он музыку? О, да, конечно, но он работал у помещика в имении, в деревне, где же там слушать музыку. А литературу? Какого он мнения о Толстом? Читал ли он «Войну и мир»?

Карл Эрнст несколько растерян, на его лице явное недоумение.

— Как вы сказали?.. Не помню, кажется, не читал. Знаете, работа в деревне, где же за всем уследить.

Третий военнопленный, с которым мы беседовали, уроженец Польши Фрик Отто, солдат 5 роты 500 полка 293 дивизии. До войны он был учителем. Со слезящимися глазами, тщедушный, маленький, этот вояка побывал во Франции. Там он, конечно, хорохорился и ходил гоголем по земле французов, проданной и преданной лавальями и петэнами. А сейчас, как и австриец, очень обижен и проклинает Гитлера. Уже здесь, в плену, он услышал о посещении

Советского Союза генералом Сикорским, о польской армии, созданной на территории России, о тех силах во всем мире, которые готовят уничтожающий удар по гитлеризму.

Фрик Отто явно озадачен.

— Если бы мы об этом знали?

— Что бы сделали?

— Нас много бы сдалось в плен.

Все больше и больше немецких солдат начинает думать о сдаче в плен.

Мы беседовали с унтер-офицером Хаамер, по профессии маляром, который, подговорив еще четырех солдат, перешел на сторону советских войск с оружием в руках.

— Многие сдались бы в плен, — подтвердил и он, — но боятся офицеров и шпионов. Они в каждой роте и следят за солдатами.

Почему он сам сдался?

— Я убедился в бессмысленности дальнейшей борьбы с русскими. Что ждет немецкого солдата! Клочок земли и деревянный крест. А если уцелеешь, что получишь? — Ничего! Будешь так же много работать и жить впроголодь, как и раньше. Война нужна Гитлеру и его хозяевам. Пусть они и воюют.

Дух разложения, усталость, разочарование, как ржавчина, начинает подтачивать, раз'едать изнутри гитлеровскую армию.

У убитого немецкого солдата Рейнгольда Бурхгардта наши бойцы нашли текст песни, которая весьма ярко отражает подавленные на-

строения фашистских войск. Песня, в которой рассказывается, с какими трудностями столкнулась гитлеровская армия на Восточном фронте, заканчивается так:

Нам все теперь не мило,
Нигде не слышен смех.
Утрумо и уныло
В потемках топчем снег.
Нам лгали многократно,
Что скоро отведут
В Германию обратно —
Теперь всему капут.
В Германию — назад!
Россия — сущий ад!

Мы беседовали со многими командирами, политработниками и рядовыми бойцами. Они знают врага, изучили его повадки, умеют разгадывать его коварные замыслы и уловки, осведомлены и о настроениях гитлеровских солдат. Это уже не те солдаты — самоуверенные, спесивые, которые на рассвете 22 июня прошлого года ринулись на нашу землю. Но наша армия знает также, что раненый, истекающий кровью зверь еще опасен и намеревается вновь кинуться на нас со всей своей яростью и силой.

Наши бойцы спокойны, они готовы встретить и это объявленное на весь мир весеннее наступление и довершить разгром врага.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Люди нашей армии	3
Чудо-богатыри	15
Народ-герой	24
Следы зверя	35
«Фрицы»	43

Отв. редактор И. Фомин

Корректор З. Чуднова

Подписано к печати 5/V 1942 г. НГ19862. Тираж 25000.
Уч.-изд. л. 1,6. Печ. л. 1 1/2. Знак. в бум. л. 85000. Цена 25 к.

Саратов. Набрано в типографии изд-ва „Коммунист“.
Отпечатано в типографии № 1 Полиграфиздата. Заказ 2144.